

Георгий Гарин-Михайловский

Юрий ЦИНГОВАТОВ

**HABENT SUA FATA MANUSCRIPTA
(У РУКОПИСЕЙ СВОЯ СУДЬБА)**

Среди имен русского литературного зарубежья, открывшихся нашему читателю в последние годы, есть одно, которое могло исчезнуть, по определению Пушкина, - «не оставляя по себе следов». По каким-то таинственным, если не мистическим причинам имя это, однако всплыло из небытия в начале 90-х годов прошлого столетия. В 1993 году издательство «Международные отношения» опубликовало «Записки из истории российского внешнеполитического ведомства 1914–1920 гг.» Георгия Николаевича Михайловского. В предисловии к этой двухтомной работе среди прочего говорилось: «В 1921 году след Г.Н.Михайловского теряется, сведений о его дальнейшей судьбе, к сожалению, пока найти не удалось».

Готовя книгу к печати, ее составители еще не знали, что рукопись, попавшая им в руки, «была уничтожена путем сжигания». По всей видимости, сожгли не все копии. Сохранившийся экземпляр долгие годы скитался по хранилищам: в «Русском заграничном историческом архиве» в Праге, потом – в Центральном архиве Октябрьской революции, пока, наконец, на него не натолкнулись в Архиве внешней политики Российской Империи.

Кто же был их автор, оставивший после себя этот объемный и честный труд, посвященный русской дипломатии в переломный период с начала первой Мировой войны до исхода Белого движения. В биографии Михайловского еще не все ясно и определено, но есть все основания утверждать: след его не потерян. Вот что удалось по крупицам собрать о трагической судьбе этого человека.

* * *

Георгий Николаевич Михайловский - сын известного русского писателя, путешественника, строителя Транссибирской магистрали Н.Г.Гарина-Михайловского (его повести «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» и по сей день остаются энциклопедией русской жизни на рубеже XIX и XX веков) родился в 1890 г. в Усть-Каменогорске, получил блестящее образование. В 1911 году с отличием окончил историко-филологический и юридический факультеты Петербургского университета и остался при кафедре международного права для подготовки диссертации. Она была посвящена проблемам морского права и потребовалась командировка за границу. Михайловский занимался в лучших европейских университетах, работал в библиотеках, слушал лекции известных профессоров. В Париже продолжил занятия на консульско-дипломатическом отделении Высшей школы политических наук.

Первая мировая война прервала его научные изыскания и молодой ученый вернулся на родину, отложив намеченные исследования в германских университетах до лучших времен. В 1914 году он поступил на службу в Министерство иностранных дел. Великолепные способности, свободное владение несколькими иностранными языками, глубокие профессиональные знания, семейные связи дали Михайловскому возможность быстро продвинуться по службе от секретаря юрисконсультского отдела до начальника Международно-правового отдела министерства. В отличие от своего отца, «переболевшего» народничеством, марксизмом, но не принимавшего практического участия в политической жизни, Георгий Михайловский становится непосредственным участником формирования российской внешней политики в военный период, подготовки и проведения международных переговоров, правительственных совещаний по этим вопросам. Он сотрудничал с несколькими министрами иностранных дел – царскими, Временного правительства, общался с видными

политическими деятелями многих стран, представителями российской политической элиты - от белых до красных. Среди последних - нарком иностранных дел Троцкий, брат Ленина Дмитрий Ульянов.

Сразу после Октябрьского переворота Михайловский, не состоявший ни в каких политических партиях, но, по собственному признанию, «с сочувствием относившийся к программе социалистов-революционеров», становится активным участником и организатором саботажа мидовскими чиновниками внешнеполитических усилий советской власти. С началом Гражданской войны он пробирается на юг России и служит во внешнеполитических ведомствах Деникина, а потом Врангеля.

Его «Записки» это эмоциональный рассказ русского интеллигента о пережитом в переломные годы российской истории. Первая книга охватывает период с августа по октябрь 1917 года, вторая – события с октября 1917 г. по ноябрь 1920 г. Тонкий и наблюдательный аналитик Михайловский подробно освещает работу внешнеполитического ведомства при царе и Временном правительстве. «Записки» - важный источник для изучения деятельности внешнеполитических служб Белых правительств, остающейся и по сей день окутанной многими тайнами.

Автор не прощает друзьям, единомышленникам, союзникам слабостей, просчетов, недальновидности, преступлений – всего, что и привело к крушению империи, а потом и Белого движения. Он одинаково беспощаден и к царской бюрократии, когда службе интересам России она предпочитает собственные выгоды и спокойствие, и к большевикам, в которых видит угрозу свободе и культуре России, и к белым, которым он служит искренне, покуда кровь, проливаемая за Россию, по его же собственному выражению, не превращается в грязь. Он не революционер, не поклонник самодержавия, не сторонник крайностей, он просто совестливый российский интеллигент, умеющий и любящий работать во имя свободной, сильной, благополучной и справедливой России.

Анализируя политику Антанты, он приходит к выводу, что за ее помощью Белому движению стоял алчный интерес к сырьевым запасам России, ее территории, стремление поживиться на остатках распадающегося государства. Он пишет о «закулисной подрывной работе Англии на Кавказе и Туркестане, возрождении французского полонофильства в ущерб России».

Последней его иллюзией в заключительный период Гражданской войны была надежда на помощь Соединенных Штатов. Он считал, что США, располагая «огромным потенциалом прогресса, не страдают традиционными претензиями европейских держав к России». Михайловский с энтузиазмом принял предложение поработать на североамериканском направлении в рамках специальной деникинской делегации. Ее главной задачей ставилась мобилизация американского общественного мнения и финансовой поддержки Белому движению. Жизнь делегации оказалась однако короткой.

Пришедший на смену Деникину Врангель, идею быстро похерил. По всей видимости, понимая, что интересы США нацелены в первую очередь на Дальний Восток, где Белое движение уже потерпело крах, он распустил делегацию.

В 1920 году во многом разочаровавшийся, но умудренный жизнью тридцатилетний Михайловский оказался в Париже. После «исхода» врангелевских войск из Крыма, он официально оставляет дипломатическую службу, отвергнув предложение остаться под крышей российского посольства в Париже. Он больше не хотел участвовать, по его словам, в «загробной жизни дипломатического ведомства».

Получив в кассе посольства «ликвидационные» сто фунтов стерлингов, он понял, что в Париже, переполненном озлобленными, бедствующими русскими беженцами, с такой суммой делать нечего. На этом след Михайловского терялся.

Между тем, в чехословацкой Праге начинало разворачиваться движение, вошедшее в историю как «Русская акция». Под этим названием скрывалась довольно масштабная программа помощи русским беженцам, включавшая,

среди прочего, открытие специальных курсов, школ и высших учебных заведений для русской эмигрантской молодежи. У Михайловского появилась надежда вернуться к научной и преподавательской карьере. После всех хлопот и формальностей осенью 1921 г. он по приглашению чехословацких властей прибыл в Прагу. Здесь его ждало место профессора кафедры международного права Русского юридического факультета, который возглавил известный ученый, общественный деятель профессор П.И.Новгородцев.

После военных, эмигрантских лишений и скитаний, Михайловский, наконец, почувствовал, что жизнь начинает налаживаться. Вскоре в его судьбе произошло еще одно радостное событие – он обвенчался с Анной Николаевной Глебовой. Супруга Михайловского была женщина от природы одаренная, творческая. Она происходила из старинного рода ярославских бояр Глебовых. Детство ее прошло в Петербурге, а каникулы и праздники она проводила в имении Коротнево в Ярославской области. После окончания женской гимназии, два года училась на историко-филологическом факультете Петербургского университета...

Через год у них родился сын, которого назвали в честь деда Николаем. Семья обосновалась в солидном, сохранившемся до наших дней «Русском доме», где жили известные русские ученые, литераторы, философы, общественные деятели старой России.

В те годы в Праге нашли приют многие из тех, кто уже занял свое место в русской культуре: Аверченко, Амфитеатров, Василий Немирович-Данченко, Цветаева, Е.Чириков. Здесь регулярно останавливались Бунин, Савенков, Набоков заезжали Горький и Маяковский. Первые шаги делали молодые авторы – ровесники Михайловского - Раевский, Каллиников, Роман Яacobсон. В стране работали русские издательства, выходили десятки русскоязычных газет и журналов.

О кипевших здесь страстях свидетельствует известный литературный анекдот. Литератор Роман Яacobсон дружил с Маяковским. За это Набоков,

придерживавшийся антикоммунистических взглядов, считал его если не красным, то розовым и не скрывал своих оценок. Позднее, спустя три десятка лет Якобсон стал всемирно известным филологом и возглавил лингвистический ученый совет в Гарвардском университете США, где Набоков, уже популярный писатель, хотел получить место профессора русской литературы. Его сторонники выдвигали аргумент: он же «большой русский писатель» (Набоков отличался солидной статью) и вполне достоин занять это место. Якобсон - на это возражал: слон тоже большое животное, но это не повод назначать его профессором зоологии. Так, зародившаяся в 20-е годы неприязнь сопровождала этих людей по жизни.

В Праге Михайловский всерьез начинает задумываться о литературной карьере. Он ищет контакты в литературной среде, участвует в собраниях русских писателей, посещает их вечера в литературном кафе «Далиборка». На одной из таких встреч он знакомится со студентом Карлова университета Николаем Раевским. Оба – участники Белого движения, почти ровесники – они быстро сходятся, обсуждают литературные новости, вспоминают о жизни на родине. В то время Раевский, по его словам, «уже страдал от тяжелого заболевания, название которому – Пушкин!». Не удивительно, что Михайловский поделился с товарищем памятным знакомством, состоявшимся перед Мировой войной на швейцарском курорте Монтрё. Раевский записал этот рассказ: «Профессор международного права Георгий Николаевич Гарин-Михайловский (сын писателя) передал мне и разрешил предать гласности следующее. В июле-августе 1913 г. он близко познакомился с пожилой дамой (лет 50-55), графиней d' Anthes и ее дочерью Françoise (лет 20). Графиня сказала Гарину-Михайловскому, что она дочь Дантеса, убившего Пушкина, от второго брака. На вопрос Михайловского, был ли Дантес в связи с Нат. Ник., графиня ответила, что в этом не может быть никакого сомнения и что ее отец сам не скрывал этого. Само собой разумеется, что к рассказу графини в этой его части приходится отнестись с крайней осторожностью. Однако, по словам Гарина-Михайловского,

совершенно невероятно, чтобы эта почтенная пожилая француженка выдумала свое происхождение от Дантеса».

...Размеренная и спокойная жизнь Михайловских в Праге закончилась в 1928 году. В связи с полной невостребованностью русских юристов в Европе, факультет был закрыт. Для Геогргия Николаевича и его семьи это было серьезным ударом. Профессорскую квартиру пришлось оставить и перебиваться на более чем скромное пособие чехословацкого правительства для русских эмигрантов, да на редкие заработки от издания переводов книг отца. Вновь встал вопрос о литературном заработке. В эмигрантских издательствах у Михайловского выходит несколько повестей: «Потерянная и возвращенная родина», «Два солнца» и др. В них сквозит неприятие советской действительности, критика в адрес московских правителей. В России они не издавались, и недоступны нашему читателю по сей день. Эти работы не принесли их автору материального достатка и в 1932 г. Михайловские были вынуждены перебраться в Братиславу, где жизнь была дешевле. Однако и там устроиться на преподавательскую работу не удалось. Единственным источником существования оставались переводы отцовских книг, статьи по международному праву для местной печати, выступления по местному радио.

Между тем у влачащего почти нищенское существование профессора появляются читатели на родине и не где-нибудь, а в Кремле. Из книги Д.Волкогонова «Триумф и трагедия» узнаем, что в августе 1937 года Сталину доложили о намерении Михайловского опубликовать в эмигрантской прессе свою поэму «Пушкин и Сталин». (Волкогонов в своей книге называет автора Т.Михайловский. Действительно, подписывая рукописи, инициал «Г» Михайловский писал почти как «Т»). К донесению прилагалась и заключительная часть поэмы, построенной в виде диалога вождя и поэта. Сталин просыпается, смотрит вокруг, перелистывает томик Пушкина и размышляет вслух:

Нет, это не был Пушкин, ясно:

Ищу цитаты я напрасно...
 И самозванец, видно, мне
 Явился в полуденном сне...
 Но «Божество проголодалось»!
 Недаром мне во сне являлось
 Шашлык и красное вино,
 Да имя новое одно... (кричит):
 Эй, слуги! Мой обед всегдашний.
 И список ГПУ вчерашний
 Я имя дать одно забыл
 Проклятый Пушкин с толку сбил... (Довольный потирает себе руки)
 Итак, товарищи, в работе
 И в государственной заботе
 Течет, как Волга, жизнь моя...
 Знай Пушкин – «Русь не ты, а Я!»

Поэтическая карикатура на вождя, однако, не поправила материального положения автора. Его исторические работы, исследования в области международного права также оседали в «дальних ящиках» издательств и лежали там без движения. Такая участь постигла его «Записки по истории русской внешнеполитической службы», затерявшиеся в недрах пражского издательства «Орбис». Можно предположить, что выходу их в свет помешало довольно откровенное отражение неприглядной роли союзников во время Мировой и Гражданской войн. Чехословацким властям, на иждивении, которых находилась русская эмиграция, не нравилось и фактическое отсутствие в воспоминаниях упоминаний о «героическом» участии Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России. Ничего хорошего об этой «ударной силе иностранной интервенции», на штыках которой держался колчаковский режим, автор сказать не хотел, а написать правду в условиях предвоенной Чехословакии - не мог.

В конце 30-х годов, набиравший силу германский фашизм, уже начал перекраивать карту Европы. Без единого выстрела к рейху были присоединены Австрия и Чехия, в Словакии к власти пришли национал-клерикалы, провозгласившие союз с фашистской Германией. Аграрной Словакии потребовались образованные специалисты. Михайловский, влачивший с семьей полуголодное существование, не смог отказаться от предложения поступить на службу в МИД Словакии. Он подписал заявление о лояльности словацким властям и был принят переводчиком. Он проработал на этой должности вплоть до освобождения Братиславы Красной Армией 4 апреля 1945 года.

Но свобода длилась для Михайловского не долго. 17 апреля он был арестован военной контрразведкой «СМЕРШ». Из его дела под номером К-103699 узнаем интересные подробности: «Во время первого допроса следователю не хватило стандартного бланка, чтобы записать, какими языками владеет задержанный – пришлось писать в три столбика, потому что языков было 17 (!)». Судя по всему, следствие по его делу закончилось быстро. Ведь оно располагало подписанными его рукой подробными мемуарами, где раскрывалась вся «антисоветская» деятельность Михайловского. Поражают прямота и откровенность, с которыми Михайловский отвечает на вопросы дознавателей, не пытаясь скрыть или приуменьшить свою роль в антибольшевистском сопротивлении, открыто называя себя врагом большевизма и советской власти. Застенки не сломили этого человека с большим сердцем: он «прекрасно понимал последствия любого неосторожно сказанного им на допросе слова, оценки тех или иных людей и событий. Особо последователен и аккуратен он был, когда речь шла о людях живых, ему хорошо известных. Все сказанное взвешено и продумано. В протоколах явно проступают твердость духа, нравственная чистота и порядочность русского интеллигента, для которого одинаково неприемлемы как ложь, так и перемена убеждений в угоду конъюнктуре политического момента».

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР по обвинению в совершении преступлений предусмотренных статьёй 58-4 (оказание помощи международной буржуазии в осуществлении враждебной против СССР деятельности) и статьёй 58-13 (активные действия против рабочего класса и революционного движения, проявленные при царском строе или у контрреволюционных правительств в период Гражданской войны) его приговаривают к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Как передают очевидцы, эти процессы нередко заканчивались следующим диалогом:

- «Царскому правительству, Деникину и Врангелю служили?
- Да, служил.
- А теперь придется послужить трудовому народу».

Вспомнилось напутствие, с которым в пушкинской «Капитанской дочке» старик Гринев провожал сына в царскую службу: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь...»

Михайловскому не удалось исполнить этот наказ – слишком многим он присягал.

После ареста Михайловского его жена Анна Николаевна и сын Николай долгие годы ничего не знали о его судьбе. Только после того как стали возвращаться из заключения узники лагерей, им сообщили, что Михайловский попал в исправительно-трудовой лагерь в Донбассе. Его слабое сердце не выдержало тяжелых физических и моральных испытаний и в 1946 году он умер. До сих пор точная дата его смерти, равно как и место захоронения остаются неизвестными.

До своего выхода на пенсию, его вдова Анна Николаевна преподавала русский язык в гимназиях Братиславы. Скончалась она в 1981 году. В семейном архиве сохранилось более 200 ее акварельных работ, множество стихов, которые она писала всю жизнь. В них - ее исповедь, отдушина в самые тяжелые моменты жизни. Снимая тяжесть с сердца, они помогали ей выжить, преодолеть тяготы бытия. Михайловская писала стихи для души, для себя и никогда не увидела их опубликованными. Лишь недавно

некоторые из них увидели свет в Братиславе в русскоязычном журнале «Вместе». О том, как трагически она воспринимала жизнь после разлуки с любимым супругом, говорят эти строки:

Астрономическим давленьем,
 Злым наваждением светил
 Живу с иным я поколеньем,
 В тот век, который мне не мил.

Сын получил высшее образование, стал кандидатом химических наук и большую часть жизни проработал в Институте экспериментальной эндокринологии Словацкой академии наук в Братиславе. Его перу принадлежит свыше 100 научных работ и более 80 докладов на международных научных конференциях. Ученые труды Н.Михайловского были использованы при разработке и осуществлении исследований по программе «Интеркосмос».

После публикации «Записок» в России сын направил ходатайство о реабилитации своего отца Г.Н.Михайловского. По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21 января 1997 года Михайловский был реабилитирован. В 2012 году Николай Георгиевич умер и похоронен в Братиславе.

ЛИТЕРАТУРА

А.В.Чумаков. Россияне в Словакии. История и современность. Братислава, 2008.

Н.А.Раевский. Избранное. Художественная литература. М., 1978.

Г.Н.Михайловский. Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914 – 1920. Международные отношения. М., 1993.

Отечественные архивы. № 3, 1997 г. Протокол допроса арестованного Гарина-Михайловского Георгия Николаевича, 1890 года рождения, уроженца станции Усть-Катав, бывшей области Уральского казачьего войска, русского,

вне подданства, из дворян, профессора международного права, женатого, не судимого, проживавшего в г.Братислава (Словакия), переводчика Министерства иностранных дел Словакии.